

Литературное наследство Алтая

С 20-х годов XVIII века в Западной Сибири существовали заводы и рудники, основанные уральским горнопромышленником Демидовым, перешедшие позднее «императорскому кабинету» т. е. лично царю. Огромная территория современного Алтайского края, части Казахстана, Новосибирской, Томской и Кемеровской областей — территория в 400 тысяч квадратных километров, на которой были расположены демидовские заводы и рудники, — стала собственностью царской семьи. Эта царская вотчина получила название «округ Колывано-Воскресенских горных заводов», а с 1831 года — Алтайского Горного округа.

Управление округом было в Барнауле, где находился сереброплавильный завод. Существовали заводы в селе Цавловском, в Колывани, в Локте и других местах. Вокруг заводов находились рудники, в которых добывали серебро, золото, свинец, медь. К заводам и рудникам были приписаны крестьяне окрестных сёл. Из их среды путём рекрутских наборов вербовались мастеровые рабочие.

Горный устав создал для Алтая свой суд, своё войско и полный производ над горнозаводским населением. Нигде крепостное право не получило такого полного выражения всей своей отвратительной сущности, как в далёкой Сибири.

Горнозаводский характер, создавший своё ценно-особенный строй всей жизни Алтая, не мог не отразиться на литературном наследии края, которое вообще пока ещё крайне мало изучено. Но даже этот немногочисленный материал, имеющийся в нашем распоряжении, представляет большой интерес, как своеобразная летопись истории родного края.

Литературное прошлое Алтая времён крепостничества дошло до нас в виде фольклора. Во многих стихах и песнях,

встречающихся поньше в горнозаводских районах, несомненно единоличные авторы, но установить его невозможно.

Весьма характерна «Песня рабочих кабинетских рудников», в которой ярко выражена классовая ненависть, скрытая в иронической характеристике хозяев и их подручных. Это — одна из наиболее ранних русских рабочих песен и поэтому включена во многие антологии, как образец рабочего фольклора. Вот как в ней описывается насилие и произвол:

«Наши горные работы
Всем чертям дают заботы:
Всяк стараться очень рад,
Чтоб подружок был богат...
А работа наша в том,
Чтоб раздетаться с уроком,
Чтоб нарядчики на нас
Не косили своих глаз,
Своих глаз бы не косили,
У нас денег не просила,
Не грозили бы рукой,
Не махали бы лозой,
Чтоб не выдрали пять раз,
Пока выробим наказ...
Не успеешь, значит, лечь,
Как валится кожа с плеч...
Да оттудова валится

Обречённые на вечный тяжёлый труд мастеровые были предоставлены произволу управляющих, уставщиков, нарядчиков и прочего большого и малого горного начальства. Эти лица могли наказывать мастеровых, забивать их иногда до смерти, могли морить их на работе.

Глубоким драматизмом наполнена песня «рабочих людей» Змеиногорска:

«Видать на горке, на горе,
На высокой, на крутой,
Над плотинной, над водой
Стоит рудник Змеев золотой,
Да нам противный он какой!»...

И дальше мы находим такое горестное восклицание:

«Давалось не знаем кому, —
Только богу одному,
До него высоко,
До царя далёко.
И говорим: — ох-то-то,
Житьё нам плохо.
В казарме мы живём,
Хлеб с водой только жуём,
С работы убежим.
По целым дням в кустах лежим.
Нас поймают и тогда до смерти
Задирают и замают».

Помимо народного поэтического творчества, показывающего местный горнозаводский быт, на Алтае уцелели многие весьма древние варианты общерусских сказаний и песен. Очень давно на Алтае отмечены богатые следы эпоса. Известный барнаульский деятель-краевед Степан Иванович Гуляев ещё в 1839 году писал о бывшей эпической традиции на Алтае, назвав ряд песен сказителей, из которых особенно выделялись Семён Иванович Божин и Иван Максимович Каллистратов. «Сказки первого из них были различного содержания, — писал Гуляев, — и те из них, которые заключали в себе богатырские подвиги витязей русской земли, отличались особенно плавным рассказом». У второго Гуляев слышал «поэмы».

Позднее Гуляев познакомился с рядом былинных сказителей, из которых самым замечательным был крестьянин деревни Ерестная (под Барнаулом) Леонтий Гаврилович Тупицын. Этот певец унаследовал свой репертуар от отца, который, в свою очередь, перенял их от своего отца, т. е. деда Леонтия Тупицына. Таким образом, в семье Тупицыных хранились былины в течение трёх поколений, переходя от отца к сыну.

Кроме былин, — пишет Гуляев, — «Тупицын знал много народных песен обрядовых, круговых, сказок и поверий». Известный натуралист Брэм, во время посещения Барнаула в июне 1876 года, со

своими спутниками пожелал видеть Тупицына. На квартире Гуляева, вызванного из Ерестной, Леонтий Гаврилович Тупицын «пропел по несколько стихов из былин и песен... Знаменитый путешественник, сидя против певца, не сводя глаз с него, внимательно слушал пение...» Былинами сказителя заслушивались не только знатные гости, но и местные жители.

Былины Л. Г. Тупицына про Илью Муромца,* Добрыню Никитича и другие, оставленные нам в записях С. И. Гуляева, показывают, что население Алтай бережно хранило общенациональное достоинство русского народа и его культурные традиции.

Русская былевая традиция, несомненно, сказалась в богатом фольклоре Алтая. Динамичность фабулы, ритмичность, правдивость большого числа легенд и сказаний сближают последние с былинной.

До нас дошло большое количество легенд о беглецах с кабинетских заводов, которые в своё время были широко распространены и сплачивали горнозаводских рабочих в протеста против произвола и изнурительного крепостнического труда.

Часто действительные факты в легендах переплетались с фантастикой: братья Белоусовы, Кривоуцкий, Селезень — имена героев многих легенд — беглецов с кабинетских рудников и заводов. Герои эти наделены богатырской силой. «Поймают Кривоуцкого, закуют — железо не держит. Погой тряхнёт — и всё!».

Поэт-крестьянин В. Бельков записал в Мамонтовском районе легенду про Селезень, в которой рассказывается:

«Начальство заводское и волостное пыталось не раз изловить Селезень, да всё не удавалось. То, бывало, на плотике прутьем заберётся в займища озёрные, а если на пути где перехватят — разгонит. Вот один раз удалось окружить Селезенья. Ну, думают, теперь не уйдёшь! Сначала пробовали живём взять, да видят — не такой человек, чтобы живым сдался. Давай стрелять в него, а он только насмехается.

Пуля его не брала, заговор, что ли, знал такой.

— Эх, вы! — говорит, — псы дворовые, шкуры наёмные!
Подойдёт к одному, к другому, ружьё отнимет, а того человека оборотит лицом прочь, да руки скрутит за спину. Так и перевазал всех».

Все эти легендарные герои неизменно выступают против богатых и всегда защищают бедняков. «Какой бедняк попадётся Кривоуцкому, нет на нём ничего, — одежду с себя снимет, отдаст».

Особое место занимают легенды о Беловодье, бытовавшие среди безземельного и малоземельного угнетённого крестьянства и распространявшиеся сибирскими раскольниками.

В пьесе А. М. Горького «На дне» странник Лука рассказывает легенду о «Праведной земле» — «Беловодье». Так, по свидетельству С. И. Гуляева, называли в начале Алтайской заводской округ. «Беловодье» — это «означало край вольный, обильный всеми житейскими потребностями и удобный для поселения в каких угодно местах». Легенды о свободе и чутли не о райской жизни на Алтае были только народной мечтой. Границы мифического «Беловодья» отодвигались, и время от времени делались попытки найти эту счастливую, свободную землю.

В 1825—26. 1840. 1858 и даже после «отмены» крепостного права — в 1861 и 1868 г.г. вспыхивали своеобразные народные движения, выливающиеся в том, что целые деревни бросали паши и дома и, предводительствуемые «богоядохновенными» начётчиками, уходили, куда глаза глядят, искать «Беловодье».

На эту тему написано также много литературных произведений революционными писателями Алтая (Н. М. Ядрищев, И. Глушаков и др.), чьё творчество является для нас не менее ценным литературным наследием.

Гр. РАПКОПОРТ.
(Окончание следует).

Литературное наследство Алтая*

«...Подаром об этом «Беловодье» более сотни лет слагаются мифы. Но где же оно? Вот за Чаргою идёт ряд хребтов, вот ушелье Чун, Чуйские Альпы, вот вершины Катуня с вечными снегами. Дойдёт переселенец до них, до этих белых вод, окрашенных песком морен, увидит эти водопады, эти неприступные скалы и ушелья, посмотрит на горных орлов. Но это ли желанные белые воды? Постоит он и повернёт назад.

...Смотря, как мыкается этот человек в поисках за новыми местами, смотря на это вечное скитанье и отыскивание чего-то, словом, озирая всю эту бродячую колонизацию, я часто задумывался и невольно спрашивал себя: «Где же лучше?» С этим вопросом стоял я среди цветущих боров на берегу Оби, на благословенных местах Карасука; его же я задавал и там, где серебрятся вершины Алтая, любясь с высот бесконечно волнующимися горами и широкими долинами. Его я задаю и теперь: «Где же таится крестьянское счастье, под каким кустом залегло оно, под каким камнем оно западо, скрылось, притаилось?!»

Этот вопрос задал писатель-областник Николай Михайлович Ядринцев (1824 — 1894 гг.) в очерке «На обетованных землях», опубликованном в «Сибирском сборнике» за 1886 г. Сам Ядринцев не ответил на поставленный им вопрос: «Где же обетованная земля?» Ответили на него сами крестьяне, которые в поисках «Беловодья» хорошо усвоили истину, что в богатейшем крае все богатства взаперти, а есть власть капитала и рабы, которые ей покорны.

Другой алтайский поэт И. Глушаков едко высмеял легкое верие коробилинских крестьян, подавшихся на удочку ловких аферистов и распродавших за бесценок всё своё имущество, чтобы налегке уйти искать таинственное «Беловодье».

Окончание. Начало смотри в № за 28 октября 1945 г.

«Загудел крестьянский люд.
Бабы стонут, крынки бьют...
Мужики ходят на воде,
Не хотят работать боле,
Не хотят работать боле,
Всё распродают...»

На мирском на сельском сходе
Объявляют о походе
И под верное ружье
Прсят дать им увольнение...

И пошла писать губерния
Всё крестьянское имение
Всяк спешит скорей продать,
Чтобы в путь не опоздать,
Сразу порешить!

Всякие скунчики и кулаки, конечно,
сильно наживались на этих распродажах.
А собравшиеся в поход крестьяне, так и не увидели страну, о которой им расказывали раскольники где...

«...в верховьях Енисея
Можно жить хлеба не сея,
С горы не тужить!»

Автор этой сатиры И. Глушаков сам являлся сыном алтайского крестьянина и служил на Алтае в том же селе Короби-ха писарем. Опубликовавший сатиру на раскольничье «Беловодье» в «Сибирском архиве» (1912 г., кн. 7) В. Герасимов сообщает некоторые данные об её авторе. Родившийся на Алтае Иван Глушаков учился в Барнаульском горном училище и в Петербургском технологическом институте, но курса не окончил и был выслан на родину, вероятно, за участие в студенческом движении. После этого Глушаков устроился сельским писарем в Коробихе и, в конце концов, сдился и погиб. По словам Герасимова, Иван Глушаков написал много стихотворений, которые «по красоте и проникающему их чувству могли бы сделать честь первоклассному поэту». Страшная социальная действительность старой Сибири сгубила этого талантливого, но не получившего признания поэта из крестьян.

А участь барнаульского рабочего-поэта Ивана Ивановича Тачалова! Человек страшной жизни, — так называл его Алексей Максимович Горький.

Действительно страшной была жизнь одарённого поэта, выходя из народа. Не имея ни угла для жизни, ни куска хлеба, Тачалов был вынужден жить по барнаульским притонам в качестве музыканта.

«Там мне удавалось устраиваться со своей поэзией — то в конюшнях, то в банях, и завершилось там же...»

Мне приходилось протаскивать пелыми неделями на бирже труда, с готовностью поступить хотя в землекопы, но и это оказывалось недоступным».

В другом письме Тачалов спрашивал: «Кто из писателей, поэтов, интеллигентов видел и прошёл такое бессмысленное мученичество?»

И сам отвечал:
— Никто, никто!

Поэт часто повторял:
«Меня судьбина оремизила
Я ставку жизни потерял».

Со дня жизни Тачалову удалось вырваться перел 1905 годом. Работая картонажником, Тачалов принимал активное участие в революционном движении 1905 года в Барнауле в качестве распространителя и массовика. Им была написана «Базачья мадсельеза», которую распевали казаки, присоединившиеся к революционным демонстрациям барнаульских рабочих. Кроме того, им было написано много сатирических стихов, которые быстро распространялись и пользовались большим успехом среди трудящихся города.

Многие барнаульцы до сих пор помнят, кстати, ранее нигде не печатавшуюся, сатирическую поэму Тачалова «Егорка». Эту поэму можно найти во многих альбомах и личных тетрадях старожилов Барнаула, многие из которых знают её наизусть. Сам по себе этот факт свидетельствует о неумирающей любви трудящихся города к своему знатному земляку, стоящему в 1905—1906 гг. в центре революционной и литературной жизни Барнаула.

В поэме «Егорка» Тачалов описал барнаульский погром 1905 года, хлестко высмеял его организаторов. В образе «Егорки» поэт рисовал несознательного участника погрома, который в конце концов,

пробуждается и начинает раскаиваться. Сам Тачалов, как передают встречавшиеся с ним, с болью переживал описанный им в «Егорке» погром и поражение революции.

В годы наступившей затем реакции Иван Тачалов, глубоко веря в грядущую победу, писал:

«Мысль и руки понемногу
В побеждённой полумгле
Строят верную дорогу
К царству правды на земле».

Первая книжка стихов Ивана Тачалова вышла в 1910 году под названием «Аккорды мысли». Уже после Октябрьской революции, в 1929 году издана автобиографическая «Мрачная повесть» Тачалова с предисловием А. М. Горького. Именем Тачалова названа улица в Барнауле, общеобразовательная школа и ряд культурно-просветительных учреждений.

Выше сказано было, что поэмы Ивана Тачалова были найдены переписанными во многих альбомах барнаульцев. В прошлом, как известно, существовала в Сибири местная, довольно своеобразная рукописная «литература». По своей тематике это — преимущественно сатира на существовавшие «порядки».

Сатирическую поэзию эпохи 1905—1906 гг. мы также находим в виде рукописей, бережно хранившихся старожилами. Может быть переписывали на память примечательную сатиру потому, что она по цензурным условиям не могла быть напечатана в местных изданиях. А возможно, здесь сказалась старая привычка к рукописной «поэзии». Приведём здесь переписанные многими барнаульцами «метаморфозы» неизвестного автора.

«Был солдатом он запасным,
На войну шёл патриот,
Воротился ярко-красным:
Вот какой переворот!...
С божьей помощью, вперед!

Был матрос слуга проверный:
И в огонь и в воду лез...
Вдруг бунтует, непокорный,
И его смущает бес!
С божьей помощью, прогресс!

Был крестьянин тих и кроток...

Вдруг он, рубит барский лес,
И в расправе стал короток:
Соблазнил лукавый бес!
С божьей помощью, прогресс!

Был рабочий патриотом,
Вдруг, о чудо из чудес:
Он движенья стал оплотом,
Прямо на рожон полез...
С божьей помощью, прогресс!

Революционная волна 1905 года, всколыхнувшая Алтай, показавшая назревающую силу пролетариата, сказалась и на произведениях других авторов. Произведения П. Казанского, написанные в этот период, являются лучшим, что дал поэт. Его сатиры, правда, не имеют яркой партийной направленности, однако в них поэт смело выступает, как бунтарь, против кровавых «усмирителей» революционного движения.

Порфирий Алексеевич Казанский, печатавшийся под псевдонимом «Премудрая крыса Онуфрий», оставил нам богатое литературное наследие. Он писал фельетоны, юморески, лирику, пьесы, научно-популярные и краеведческие статьи. Отдельно в Барнауле изданы две книжки стихов П. А. Казанского: «Песни борьбы и надежды» (1917 г.), «Родному краю» (1918 г.). В первой книжке собраны основные произведения автора, написанные им в 1905—1906 гг. и печатавшиеся в то время в различных местных газетах и журналах.

Одна из юморесок «Старое на новый лад» направлена против Столыпина, сменившего премьер-министра Горемыкина и известного по его «хуторской реформе», которая преследовала цель создать «отрубное кудачество». Опираясь на него, на помещиков и буржуазию Столыпин начал проводить «твёрдую» политику подавления революционного движения масс самыми кровавыми мерами. Приведём эту юмореску:

«Горемыкина за борт,
И к рулю Столыпин,
Он рыбак — первейший сорт,
На крамольных рыбач.
Уж успел он дать приказ
Действовать усердно,

Изобью теперь у нас
Всех немилосердно!
Хоть не с обществом война,
А с его врагами,
Взяться власть за руль должна
Твёрдыми руками...
Бей, лови! Ведь далеки
Времена лихие,
Нынче ж общества враги
«Только вся Россия!».

Нельзя обойти молчанием творчество беллетриста Исакова, сборник рассказов которого, изданный в Барнауле под названием «Там, в горных долинах», является сейчас музейной редкостью.

Степан Ильич Исаков родился в одном из сёл около Славгорода, где он служил волостным писарем. Первый его рассказ «Горный дух» был напечатан в 1913 г. в «Алтайском альманахе». Позднее он долгое время жил в Барнауле и печатался в местных и столичных изданиях. С. И. Исаков в своих рассказах описывал быт и природу алтайской деревни. В его рассказах нашли отражение народнические тенденции.

Такое литературное наследие нашего края в его известных нам представителях. Надо сказать, что есть немало произведений об Алтае, авторов которых предстоит установить. Наоборот, есть имена писателей, произведения которых нужно отыскать. Таким образом, литературное наследие края требует глубокого и серьёзного изучения.

Одно бесспорно: даже тот малоизученный литературный материал прошлого (и фольклор в том числе!) является прекрасным пособием для наших агитаторов и пропагандистов, особенно сейчас, в дни развёртываемой избирательной кампании по выборам в Верховный Совет СССР. Он может и должен быть использован в пьесах нашего края на уроках литературы и истории и для занятий литературных и краеведческих кружков. Ибо, как говорил великий русский писатель А. М. Горький: «Чем лучше мы будем знать прошлое, тем лучше, тем более глубоко и радостно поймём великое значение творимого нами настоящего».

ГР. РАППОРТ,